

Хань Дуй честно поработал какое-то время, но быстро выбился из сил — руки заныли от усталости. Всю оставшуюся работу без лишних слов взял на себя его старший брат, Хань Ган.

Хань Дахуа, глядя на сыновей, довольно прищурился:

— Вот так бы всегда, оболтусы. В согласии да мире. Когда в семье лад, то и дело спорится.

Хань Дуй не поскупился на похвалу:

— Отец, золотые слова! Посмотри на старшего брата — настоящий мужчина, опора и надежда. Твои благородные гены в нём наконец-то проснулись.

Старик ничуть не смутился и с гордостью подбоченился:

— А то! В кого ж ещё моим сыновьям быть такими молодцами?

Отработав полдня, троица ровно в пять часов дня засобиралась домой. На работу колхозники плелись нехотя, но стоило прозвучать сигналу к окончанию смены — всех как ветром сдувало, никто лишней минуты на поле не задерживался.

Перед уходом бухгалтер Чжан снова бросил на них долгий, многозначительный взгляд. Хань Дахуа лишь недоумённо почесал затылок — что это с ним сегодня? Зато Хань Ган окончательно утвердился в своих фантазиях.

«Опять он на меня смотрит. Точно выделил из толпы!»

Дома старшая сестра, Хань Мэй, уже хлопотала у плиты. Хань Дуй скользнул на кухню и вкрадчиво зашептал:

— Сестрица, мы с отцом сегодня идём в гости к его приятелю. Нам бы закуски какой к столу... Не обжаришь горсть арахиса?

— Конечно, сделаю, — закивала та. — Орехи в закромах есть, сейчас соображу тарелочку.

Вообще-то, обжаренный во фритюре арахис вышел бы куда вкуснее и ароматнее, но расход масла в те времена был непозволительной роскошью, так что пришлось обойтись сухой сковородой.

Хань Мэй быстро управилась с орехами, сообразила порцию острой капусты в уксусе и добавила тарелку домашних солений. Всё это нехитрое богатство она аккуратно упаковала, прикрыла чистой марлей и уложила в плетёную корзину.

Подхвав ношу, Хань Дуй пошёл звать отца. Хань Дахуа, чьи мысли уже давно крутились вокруг заветной бутылки, при виде сына тут же подорвался с места и поспешил следом.

— Отец, Сяо Жуй, вы куда это на ночь глядя? — недоумевал встретивший их во дворе Хань Ган.
— Ужинать же скоро.

Хань Дуй отвёл брата в сторонку и заговорщицки зашептал:

— Забыл, о чём утром договаривались? Мы к бухгалтеру Чжану намылились. Будем мосты наводить.

Только тут до Гана дошло. Точно! Он же на это благое дело выделил из личных сбережений целых пятьдесят фэней! Глаза его мгновенно загорелись азартным огоньком.

— Сяо Жуй, а возьмите меня с собой? Я тоже хочу!

— Поспешишь — людей насмешишь, — строго осадил его младший. — Не время тебе ещё светиться. Сиди дома и жди вестей.

Старшему брату такое решение пришлось не по душе, но спорить с напористым Сяо Жуюем он не решился.

Едва они вышли за калитку, Хань Дахуа нетерпеливо потянул сына за рукав:

— Сяо Жуй, ну-ка отдай мне бутылку. Сбегаю к твоему дяде Дафу, знатно посидим.

Хань Дафу приходился им дальним родственником по отцовской линии. С Дахуа они были не разлей вода — как выдавалась свободная минутка, вечно сходились пропустить по стаканчику и потравить байки.

— Отец, ну сколько можно с дядей Дафу время коротать? Не надоело ещё? — усмехнулся Хань Дуй. — Давай сегодня сменим обстановку. Навестим твоего другого хорошего приятеля... Скажем, бухгалтера Чжана?

Дахуа аж споткнулся от неожиданности и вытаращил глаза:

— Чего-чего? С каких это пор старина Чжан мне в друзья заделался?

— Так после доброй чарки и станете лучшими друзьями! — как ни в чём не бывало парировал Хань Дуй. — Ты же сам всегда твердишь: «Больше друзей — шире дорога». К тому же, подумай сам: если ты засядешь у бухгалтера, матушка ни за что тебя там не сыщет. Безопасность

стоцентная!

— Тут ты прав, — почесал в затылке Дахуа. — Мать-то ладно, я и сам от себя такой прыти не ожидал.

Но идти всё равно не хотелось.

— Негоже это, — пробормотал он в нерешительности. — Мы с ним толком и не общались никогда. Будем сидеть как сычи, только неловкость общую плодить.

— Глупости! — отмахнулся Хань Дуй. — Отец, ты у нас в деревне человек видный, жизнь повидал, за словом в карман не лезешь. Любой за счастье почтёт с тобой побеседовать. А если кому-то неловко — так это его личные проблемы.

Хань Дахуа лишь беззвучно открыл рот, не находя слов против такой ладной лести.

Заметив колебания отца, Хань Дуй тут же принялся ковать железо, пока горячо:

— Бухгалтер Чжан уже в курсе твоего визита и ждёт. Думаешь, почему он на поле с тебя глаз не сводил? Да в его взоре так и читалось нетерпение! Если теперь не придёшь, то просто плюнешь человеку в душу. Не по-мужски это, авторитет потеряешь.

Дахуа осенило. Вот оно что! Так вот почему старина Чжан сегодня так странно на него косился! Всё сходится.

Теперь отступать было поздно — статус уважаемого в деревне человека обязывал держать марку. Приободрившись, Хань Дахуа весело зашагал вслед за сыном к дому бухгалтера.

А у Чжан Синьшэна всё уже было готово к приёму гостей. Жену с дочкой он предусмотрительно выставил из дома, так что в комнатах царила тишина.

— Приветствуем, хозяин! — весело воскликнул Хань Дуй, заходя во двор без лишних церемоний. — Что, один сегодня коротаешь вечер?

Чжан Синьшэн приподнял бровь:

— Отправил своих к соседям ласы точить, чтоб под ногами не путались. Проходите, присаживайтесь.

Не успели они устроиться, как на пороге появились Ли Маньтан с сыном Ли Сяоцзяном, тоже держащие в руках корзину с провизией. Бухгалтер вежливо пригласил вновь прибывших во

двор.

Хань Дахуа округлил глаза, уставившись на Ли Маньтана. Это ещё что за новости? Зачем здесь этот лис? Он перевёл недоумённый взгляд на хозяина дома, силясь понять, какую игру тот затеял.

Ли Маньтан миролюбиво улыбнулся Дахуа и сдержанно, но вполне дружелюбно кивнул в знак приветствия. Дахуа вспомнил о грандиозном плане «великого возрождения семьи», который ему расписывал Сяо Жуй, подавил неприязнь и выдавил из себя ответную улыбку.

Хозяин пригласил всех к столу, на котором уже красовались четыре немудрёные овощные закуски и плетёнка с пресными лепёшками из смешанной муки. Хань Дуй и Ли Сяоцзян споро разложили принесённые припасы, водрузили в центр стола бутылку крепкого алкоголя и щедро наполнили пиалы старших.

При виде выпивки у Дахуа сладко заныло под ложечкой, а глаза хищно заблестели. Ли Маньтан держался скромнее, но тоже не удержался и бросил на бутылку долгий, оценивающий взгляд.

Спокойствие сохранял один лишь бухгалтер Чжан. Он степенно разливал хмельное, предлагал угощаться и заводил неторопливый разговор о жите-бытье. Закусив и пропустив по первой, хозяин дома вдруг прищурился и вкрадчиво спросил:

— Слышал я краем уха, будто вы двое хотели со мной о нуждах народных потолковать. И дело, мол, как-то с водой связано... Уж не о расчистке ли оросительных каналов речь пойдёт?

Хань Дахуа и Ли Маньтан ошарашенно переглянулись. На их лицах застыло абсолютное недоумение.

Поняв, что пора брать инициативу в свои руки, Хань Дуй откашлялся и с улыбкой указал на бутылку:

— Бухгалтер Чжан, о делах насущных мы обязательно поговорим чуть позже. А что до «воды», так это мы о воде огненной толковали!

Бухгалтер устремил на юношу пронизательный взгляд. Хань Дуй выдержал его без тени смущения, приветливо приподняв свою чарку:

— Угощайтесь, Бухгалтер Чжан, не стесняйтесь. За встречу!

Сделав глоток, Чжан Синьшэн похлопал Дахуа по плечу и покачал головой:

— Эх, Дахуа... Сын-то твой совсем на тебя не похож. Ты ведь человек простой, бесхитростный.

Приняв колкость за чистую монету, тот расплылся в довольной улыбке:

— И то верно! Сяо Жуй лицом весь в мать пошёл, от меня ему разве что малая толика характера досталась.

Чжан Синьшэн лишь мысленно вздохнул.

«И как у такого простофили вырос этот проныра?»

Бухгалтер продолжал поддерживать компанию, не забывая и про молодёжь:

— Вы, ребята, тоже не отставайте, пригубите малую малость.

Хань Дуя дважды просить не пришлось — он устроился за чужим столом с таким комфортом, будто сидел на собственной веранде. Ли Сяоцзян поначалу робел, но, глядя на раскованного приятеля, постепенно расслабился.

Парни чокнулись чарками. Хань Дуй пить толком не умел — после первого же глотка крепкого деревенского самопьяса у него перехватило дыхание, и он зашелся в кашле. Поняв, что этот яд не для него, юноша сосредоточился на неторопливой беседе, аккуратно таская из тарелок закуску и внимательно наблюдая за старшими.

— Слушай, Сяоцзян, — вполголоса заметил он, жуя. — Квашенные побеги бамбука у тётушки Бай выходят просто объедение. Оторваться невозможно!

Тем временем за столом вовсю шёл хмельной пир. Хань Дахуа захмелел быстрее всех, за ним потянулся и Ли Маньтан. Спиртное быстро смыло наносную вежливость, уступив место пьяному добродушию. Под чарочку языки развязались. Недавние враги заболтались взахлёб, перебывая друг друга, и не успели они прикончить первую бутылку, как уже вовсю договаривались о следующей встрече.

Бухгалтер Чжан пил размеренно, изредка вставляя веское слово в их сумбурную беседу и время от времени искоса поглядывая на притихшего Хань Дуя.

Спустя час Ли Маньтан окончательно осовел и завалился набок. Сяоцзян поднялся, пытаясь пристроить обмякшее тело отца себе на плечо, и неловко закланялся, прощаясь с хозяевами.

— Дотащишь ли один? — участливо спросил Хань Дуй. — Давай подсоблю.

— Справлюсь, — мотнул головой Сяоцзян, косясь на мычащего Дахуа. — Твой-то старик тоже лыка не вяжет, лучше о нём позаботься.

Проводив гостей, Хань Дуй вышел во двор подышать воздухом и, как и ожидал, наткнулся на топчущегося у забора Хань Гана. Парень решил избавить брата от неловкости и крикнул:

— Старший брат, ты за отцом пришёл? Вовремя!

— Да-да, именно! — обрадованно закивал тот, спешно заходя в калитку.

Взвалив пьяного родителя на закорки, Хань Ган поплёлся к дому. Перед уходом он успел воровато оглядеть комнату бухгалтера, но, не обнаружив там того, кого надеялся увидеть, уныло вздохнул.

Когда суэта улеглась, в доме воцарилась тишина. За столом остались лишь Хань Дуй и бухгалтер Чжан.

Чжан Синьшэн с прищуром посмотрел на юношу:

— Ну, выкладывай, чего ради ты весь этот цирк устроил? Говори прямо, не юли.

Не дожидаясь ответа, он сразу расставил точки над «и»:

— Только учти: взятки на меня не действуют, хоть залей меня своей водкой. Если пришёл просить тёплое местечко в производственной артели — зря время теряешь, нет у меня таких полномочий.

— Бухгалтер Чжан, до чего же мы с вами похожи! — восторженно всплеснул руками Хань Дуй. — Прямо родственные души. Я ведь и сам такой: угощение приму, а на уступки против совести не пойду.

Старик Чжан поперхнулся воздухом от такой наглости.

— Если без шуток, — спокойно продолжил Хань Дуй, — я парень образованный, не без чувства собственного достоинства. Скажу прямо: в нашей деревне людей мыслящих — раз-два и обчелся. Но вы среди них — величина неоспоримая.

— Полно тебе зубы заговаривать, малец, — поморщился Чжан Синьшэн. — Не люблю я этой дешёвой лести.

— Какая же это лесть? — искренне удивился Хань Дуй. — Вы, как сознательный кадр партии,

обязаны руководствоваться принципом «исходить из фактов». Негоже списывать искреннее мнение трудового народа на банальное подхалимство. Разве я не прав?

Бухгалтер поглядел на него с лёгким изумлением и покачал головой:

— Ладно... Твоя взяла. Язык у тебя без костей.

— Вот и славно, — кивнул юноша. — Раз уж мы отбросили условности, перейду к суровым фактам без прикрас.

Это заявление заставило Чжана Синьшэна проявить искреннее любопытство:

— Ну, удиви меня.

Хань Дуй подался вперёд и, понизив голос, веско произнёс:

— Положение дел в нашей деревне оставляет желать лучшего, Бухгалтер Чжан. И вы сейчас находитесь под ударом.

Тот лишь снисходительно усмехнулся:

— А когда у нас тут тихо было? Да и за шкуру свою я не дрожу — кто мне что сделает?

И впрямь, происхождение у него было идеальным — три поколения чистокровных бедняков. В деревне его уважали, к чужому добру он не притрагивался, так что бояться ему было нечего.

Хань Дуй сокрушённо вздохнул:

— В том-то и беда. Пытаться остаться чистым среди болотной жижи — удел благородный, но неблагодарный. Ваша честность колет им глаза, ведь на вашем фоне вся их гниль видна как на ладони. Вы говорите, что они бессильны против вас. Но ведь и вы за все эти годы не смогли приструнить эту сволочь.

Бухгалтер на миг лишился дара речи, после чего горько рассмеялся:

— Горяч ты, парень, сразу видно — молодо-зелено. Поживёшь с моё — поймёшь, что даже удержаться на плаву в этой трясине и не замараться — уже великий труд.

— А почему, по-вашему, вам так тяжело приходится? — вкрадчиво спросил Хань Дуй. — Из-за нехватки ума или авторитета? Да ни в жизнь! Вы едва ли не единственный грамотный человек в округе, умеете и считать, и писать, и с людьми ладить. И при всём этом вас топчут эти

неотёсанные пройдохи — Ли Маньфу да Лю Вэйго. Справедливо разве?

— Тише ты, — нахмурился Чжан Синьшэн, заозиравшись. — Стены тоже имеют уши, поостерегись такие речи вести.

— Мы у вас дома, к чему этот страх? — отмахнулся Хань Дуй. — Да я им и в лицо всё это высказать не побоюсь, будьте покойны.

Бухгалтер промолчал, внимательно вглядываясь в лицо стоящего перед ним юноши и ожидая, куда тот клонит.

Хань Дуй выдержал паузу и веско закончил:

— Одному в поле не воин, Бухгалтер Чжан. Вам отчаянно нужны союзники. Верный, смыслённый человек, готовый пойти в авангарде и принять удар на себя.

Тот сощурил глаза и с тонкой усмешкой спросил:

— И на роль этого верного соратника ты, надо полагать, метишь себя?

— В точку! Именно так, — без ложной скромности подтвердил Хань Дуй.

Чжан Синьшэн опустил веки. Он не торопясь сделал крошечный глоток хмельного, закинул в рот кусочек капусты и аккуратно поставил пиалу на стол. Лишь после этого он заговорил — тихо и веско:

— Сейчас вся власть в производственной артели у Ли Маньфу, да и Лю Вэйго под его дудку пляшет. А у ваших семей, как ни крути, кровная вражда со времён дедов. Думаешь, если пролезешь в контору, тебе там мёдом намажут? Да они тебя живьём сожрут и не подавятся, способов извести человека у них припасено немало. Сяо Жуй, я ведь тебя с пелёнок знаю. Послушай старика: не суйся ты в это болото, целее будешь.

<http://bllate.org/book/19655/1985548>